

Магия истории

Александра Девиль известна читателям как автор историко-приключенческих романов «Перстень Дарины» и «Изумрудное сердце». Поклонникам этого увлекательного и познавательного жанра, без сомнения, будет интересно узнать больше о писательнице и ее произведениях. Предлагаем вашему вниманию фрагмент беседы Александры Девиль с известным журналистом, членом Всемирной Ассоциации русской прессы Леонидом Гамольским.

— Александра, я знаю, что раньше вы занимались наукой. Мы привыкли к тому, что если научные работники приходят в литературу, то, как правило, публикуют документальные, научно-популярные опусы, мемуары. Но откуда у вас такой интерес к художественной прозе, истории, психологии?

— Склонность к творческим занятиям сопровождала меня всегда. Со школьных лет я увлекалась театром, кинематографом, поэзией, немного рисовала. На праздничных вечерах была и сочинителем, и режиссером. В голове постоянно складывались интересные сюжеты. Потом накопленный багаж знаний и наблюдений за человеческими характерами потребовал своего выражения в какой-то определенной форме. Так начались мои литературные опыты. Что же касается истории... В детстве и юности моими любимыми книгами были романы А. Дюма, М. Дрюона, В. Скотта, А. и С. Голон, Генрика Сенкевича. А первой искусствоведческой книгой, которую я прочла еще ребенком, было «Искусство итальянского Возрождения». С тех пор я полюбила романтический колорит прошлых веков, почувствовала магию истории.

— Роман «Оберег волхвов» — о Руси XII века. Почему вас увлекла эта тема?

— Мне давно хотелось написать о восточнославянском Средневековье в традициях западноевропейского историко-приключенческого романа — т. е. уделяя основное внимание не идеологии и политологии, а чувствам и отношениям людей, духовной и материальной культуре того времени, романтике путешествий и приключений.

«Оберег волхвов» перенесет читателя в древний Киев, приднепровские степи, Монастырский остров (на Днепре перед порогами), Крым, Византию. На фоне этих знакомых и незнакомых мест разворачивается драма трудной любви героев, разлученных коварными интригами, несчастливym стечением обстоятельств и собственной гордостью. Действие романа происходит в начале XII века. Киевская Русь, ослабленная после княжеских междоусобиц на рубеже веков, вновь достигает единства и могущества при Владимире Мономахе. Библиотеки (впоследствии почти все они погибли во времена татаро-монгольского нашествия), великолепные храмы, иконы и мозаики, школы при монастырях, в том числе и женские, — все это свидетельствовало о достойном месте средневековой Руси домонгольского периода среди европейских стран. А еще именно на Руси, с ее опасными и длинными дорогами, появился отмеченный многими историками особый тип купцов-воинов — грамотных, смелых путешественников, благодаря которым поддерживались мирные связи между странами и народами. Таков главный герой романа Дмитрий.

— И все же описание «седой древности» в романе — далеко не главное. В «Обереге волхвов» открывается целый мир разнообразных чувств и характеров, вполне узнаваемых, несмотря на столетия, которые отделяют нас от героев романа.

— Неудивительно, что они узнаваемы. Время меняет лишь антураж, а душа человека и ныне живет теми же чувствами, страстями, что и десять веков назад.

— Александра, я знаю, что ваша жизнь была далеко не безоблачна, вам пришлось пережить потери близких лю-

дей, тяжелую болезнь. И, несмотря на это, в ваших произведениях нет мрачности, они несут жизнеутверждающую, светлую энергетику, даже когда вы пишете о весьма драматичных событиях...

— Творчество помогло мне выжить, найти внутреннюю опору, и я дала себе слово: буду писать так, чтобы душа читателя не погружалась в мрачные бездны пессимизма, а наполнялась верой в красоту, в возможности человека. Я считаю, что искусство должно дарить надежду и любовь к жизни.

— В своих книгах вам удается популяризировать и романтизировать восточнославянскую историю. Ваш следующий роман тоже будет посвящен этой тематике?

— В следующем романе читатели встретятся с героями «Оберега волхвов» спустя 35 лет, во времена княжеских междоусобиц на Руси и Крестовых походов в Западной Европе. Главной героиней становится Мария, младшая дочь Анны и Дмитрия. Среди персонажей романа — внук Мономаха Изяслав Мстиславич, французский король Людовик VII, королева Элеонора Аквитанская, известные трубадуры и церковные деятели.

— Меня, как читателя, ваши романы привлекают еще и тем, что они весьма актуальны, поскольку исследуют становление человеческой личности в условиях переломного времени. Наше время тоже можно назвать переломным. Что бы вы хотели пожелать своим читателям?

— Душевных сил и веры в лучшее, несмотря ни на что. А еще желаю, чтобы каждый человек смог реализовать возможности, данные ему природой. Свой путь нужно пройти, даже если на его поиски понадобятся большие усилия, затраты и время.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Происшествие на рыночной площади

Весна 1112 года оказалась неудачной для богатого киевского боярина Тимофея Раменского. Умерла его свояченица игуменья Евдокия, воспитавшая Анну, дочь Тимофея от первого брака. В своем доме боярин все сильнее стал ощущать что-то недоброе, и эти предчувствия угнетали ему душу. А в довершение к домашним неладам объявился именно в его владениях беглый разбойник Быкодер — жестокий и хитрый убийца. Особенно страшный вред нанес Быкодер Раменью¹ — отчине боярина Тимофея, что находилась к северо-западу от Киева, на землях, отвоеванных у дремучих древлянских лесов. Разбойник жег избы в раменских селениях, с небывалой жестокостью убивал одиноких путников, а девушек и молодых женщин подстерегал и утаскивал в свою лесную берлогу, где ожидал их ужасный конец. И хотя действовал Быкодер один, без шайки, — никто не мог выследить и поймать душегуба. Люди уже стали считать его дьяволом, антихристом. А старики, не забывшие еще древних богов и волхвов, шептали, что это Перун мстит киевской земле за свое поругание. Напуганные страшными рассказами о разбойнике, жители Раменья начали покидать свои села и слободки, уходя под защиту городских стен. Кровожадный и неуловимый злодей пугал их не меньше, чем голод или набеги половцев.

---

¹ Раменье — густой лес (*старослав.*).

Боярин Тимофей стал опасаться, что скоро его тиунам¹ не с кого будет собирать дань в Раменье, да и сами они не осмелятся туда поехать. И тогда, посоветовавшись с великим князем, боярин объявил награду за поимку разбойника.

В ту пору на Руси великим князем был Святополк-Михаил, занявший некогда Киевский престол благодаря великодушью своего двоюродного брата Владимира Мономаха. Мономах, этот князь-воин, любимый народом защитник Руси от кочевников, мог бы стать великим князем после смерти своего отца Всеволода Ярославича, но уступил престол Святополку, сыну Изяслава, со словами: «Отец его был старее и княжил в столице прежде моего отца; не хочу кровопролития и войны междоусобной».

Князь Святополк был благосклонен к боярину Раменскому и пообещал ему, что заставит других бояр и купцов войти в долю с Тимофеем, потому что ведь и в их владения мог забраться нелюдь-Быкодер.

Но то, что пугало людей в глухих лесах и отдаленных селениях, казалось не таким уж страшным среди бойкого киевского торжища на Подоле². Здесь было, как всегда, пестро и многолюдно. Подворья иноземных купцов, лавки менял и мастерские ремесленников располагались рядом, а потому торговая площадь радовала глаз разнообразием товаров и одежд. Здесь каждый был занят своим делом: кто куплей-продажей, а кто — наблюдениями и расспросами. Немало было и таких, которые попрошайничали или высматривали, где что плохо лежит. Были и хвастуны, пришедшие на площадь лишь затем, чтобы покрасоваться, себя показать. Были и угрюмые, оборванные рабы. Всякие люди приходили на торжище и разговоры вели самые разные. Но о Быкодере не так уж много говорили. А иные grid-

---

¹ Тиун — управляющий хозяйством князя или боярина, а также судебный агент.

² Подол в Средние века был ремесленным и торговым центром Киева.

ни¹, княжие отроки² и молодые купцы вообще посмеивались, считая, что Быкодер — выдумка темных древлянских смердов³, что-то вроде очередной сказки о Соловье-разбойнике или Идолище поганом.

Трудно было чем-то удивить бойких завсегдатаев рыночной площади. И все же появление некоего лица вызвало интерес у многих. Не обращая внимания на удивленные возгласы зевак, к торговым рядам медленно и важно приближался молодой красавец в одежде из бархата и царьградского шелка, в сафьяновых сапогах с позолоченными шпорами. Его дорогой красный плащ был небрежно откинут назад, дабы не скрывать расшитые золотыми нитями оплечья. Парчовая шапка с собольей оторочкой, лихо заломленная на одно ухо, непонятно каким чудом удерживалась на русых кудрях. На груди его красовалась тяжелая золотая цепь, на пальцах и на рукояти сабли сверкали самоцветы. Рядом с роскошным щеголем вышагивали два спутника, одетые как княжие отроки. Один из них нес расшитую шелком суму — очевидно, для покупки дорогих товаров. Другой же с важным видом держал над головой своего господина диковинный и очень модный предмет, который иноземцы называли «парасоль», а местные жители — «подсолнучник». Это сооружение защищало белое лицо господина от ранних и уже довольно жгучих лучей майского солнца.

Женщины и девушки всех сословий — кто открыто, а кто украдкой — провожали глазами нарядного красавца.

В числе прочих смотрела на него не отрываясь и Надежда — дочь искуснейшего в Киеве гончара Вышаты. Она торговала в посудных рядах изделиями своего отца, к которым и сама прикладывала руку, ибо от природы был у нее талант рисовальщицы. Во многом благодаря ее росписям горшки и кувшины Вышаты шли нарасхват. Гончар был человеком

---

¹ Гридень — воин.

² Княжий отрок — младший член княжеской дружины.

³ Смерд — крестьянин.

строгим и дочь свою на торжище старался не пускать. Обычно Надежда помогала отцу в мастерской или управлялась по дому, а продажей посуды занималась жена гончара да кто-нибудь из его подмастерьев. Но сейчас заболела младшая дочь Вышаты, а потому жена осталась дома.

Надежде пришла помогать ее подруга Варвара. Эти девушки составляли в своем роде заметную пару. Надежда была на редкость красива, но при этом излишне скромна и ненаходчива в разговоре. Варвара же, дочь корчмаря, была, напротив, девицей бойкой и острой на язык и, хотя красотой не отличалась, могла привлечь кокетливым и веселым нравом. Девушкам помогал Ореша — молодой подмастерье гончара.

Тут же крутились еще два парня. Это были завсегдатаи рынка Юрята и Гнездило. Они занимались доставкой товаров в дома бояр и знатных горожан и любили прихвастнуть своими знакомствами и осведомленностью. Привлеченные красотой Надежды и бойкостью Варвары, молодые люди набивались к ним в добровольные помощники.

Появление на площади неизвестного красавца заметила вначале Надежда, потом — Варвара, которая тут же и высказалась по этому поводу:

— Глядите, какой князь! Ну, прямо Чурила Пленкович!¹ Интересно, откуда прибыл?

Юрята и Гнездило тут же повернулись взглянуть на примечательную фигуру.

— А ведь и правда — князь, — сообщил Юрята. — Только без княжества. И даже без удела. Один блеск да гордыня.

— Как же может быть князь без удела? — не поверила Варвара.

— А он вроде как блуждающий князь, — засмеялся Юрята. — То там, то сям пытается сесть. После смерти его отца все перешло к брату, а этот молодец без земли остался.

---

¹ Чурила Пленкович — персонаж нескольких былин Киевского цикла, щеголь и дамский угодник.

— Что ж, уделы теперь дробятся, — заметил Гнездило. — И если этот княжич с родней отца не поладил, то и неудивительно, что стал безземельным.

— Разодет он так, наверное, в долг. Но долги вернет из дядошкиного наследства. У него со стороны матери есть богатый дядошка боярин где-то поближе к Теревовлю, — сообщил Юрята.

— И откуда ты все знаешь? — удивилась Варвара.

— А ты разве забыла, что я поставляю товары в дома к знатым людям? Среди прочих и боярину Тимофею Раменскому. Так вот, этот князь — зовут его Глеб — остановился в доме у боярина Тимофея. И знаете почему? Поговаривают, что боярин имеет на него виды как на жениха своей дочери.

— Боярышни Анны? — встрепелась Надежда. — Той самой, которой никто в Киеве не видел?

— Ну да, той самой, что с малолетства живет в монастыре у тетки. Говорят, она слабоумная и к тому же больно неказистая, рябая.

— Что с того. Зато она боярышня и с богатым приданным, — вздохнула Надежда. — Ей и за такого князя можно...

— А тебе он уже понравился, что ли? — ревниво спросил Юрята и приосанился, вытянувшись во весь свой невеликий рост. — Ишь, засмотрелась...

— А почему бы нам и не засмотреться на такого красавца? — задиристо спросила Варвара. — На тебя, что ль, смотреть, коротыш, или вот на Гнездилку рыжего?

— Красавица отыскалась, — проворчал Юрята. — А на этого князя глаз положили и поважнее вас. Не удивлюсь, если его у боярышни Анны отобьют.

— Кто же? — в один голос спросили Варвара и Надежда.

— А падчерица боярина Тимофея. Та самая Берислава-Устинья.

— Дочка Завиды?

— Да. Дочка ее от первого мужа. Красотка известная.

— И, говорят, такая же ведьма, как мать, — добавил Гнездило. — Тоже и в колдовстве ведаёт, и в зельях приворотных, и во всяких заговорах.

— Ну, значит, сведёт она с ума этого князя, а от боярыш-ни Анны его отвадит, — подвела итог Варвара.

Увлеченные разговором, девушки не обращали внимания на покупателей, предоставив взлохмаченному Ореше самому заниматься торговлей. И только звон разбитого горшка, что выскользнул из рук суетливого подмастерья, заставил их наконец вернуться к посуде. Звон привлек внимание и приезжего красавца. Посмотрев в сторону посудного ряда, князь Глеб сразу заметил хорошенькое личико Надежды. В несколько шагов он приблизился к ней, окинул ее с ног до головы оценивающим взглядом. Девушка была невысокого роста, но стройная и ладная. Густые темно-русые волосы ее, перехваченные алой лентой, подчеркивали белизну гладкой кожи. Смутившись под пристальным взглядом князя, она опустила свои большие ореховые глаза и залилась румянцем, отчего стала еще привлекательней.

— А вот и главное украшение этой площади, — сказал Глеб, опершись локтем о поставец с посудой и приблизив свое лицо к лицу Надежды. — В разных землях я бывал и могу сказать точно: такую красавицу, как ты, редко повстречаешь. Как зовут тебя, царевна? Чья ты дочь?

— Я не царевна, а дочь простого гончара, — ответила девушка, решившись наконец поднять на него глаза.

— Ну уж не простого, — вмешалась Варвара. — Отец Надежды — Вышата, лучший гончар в Киеве.

— Значит, тебя зовут Надеждой? Хорошее имя. Но, по моему, тебе больше подходит Ясноцвета.

Заигрывания князя с Надеждой не остались незамеченными. Многие с любопытством наблюдали сценку у посудного ряда. Кто-то уже отправился в мастерскую Вышаты, чтобы сообщить ему о таком внимании к его дочери.

Заметили князя и двое людей — мужчина и женщина, — только что пришедшие на площадь. Женщина, на вид лет сорока, высокая и худая, с благородной осанкой, была одета в очень строгую темную одежду. На ее бледном лице, еще сохранившем былую красоту, угадывалась печать пережитых страданий; горечь таилась в глубине миндалевидных черных глаз. Мало кто теперь узнавал эту рано увядшую красавицу. А между тем она была правнучкой Владимира Святого, внучкой Ярослава Мудрого, дочерью ученого князя Всеволода, сестрой князя-воина Владимира Мономаха, женой — а теперь уже вдовой — германского императора Генриха IV. Княжна Евпраксия Всеволодовна, она же императрица Праксед-Адельгейда, давно уже вела уединенную жизнь в одном из киевских монастырей и на люди показывалась редко. В этот день она лишь затем пришла на торговую площадь, чтобы помочь молодому художнику Феофану купить краски у иноземных купцов. Евпраксия много повидала во время горестных скитаний по Европе, а от отца своего, князя Всеволода, унаследовала способности к языкам. Потому и не было у монастырских иконописцев и книжников лучшего советчика, чем эта некогда знатная, а теперь всеми забытая женщина.

Феофан, спутник Евпраксии, учился своему мастерству у греческих художников и украсил рисунками множество книг, а теперь расписывал церковь при монастыре, где жила Евпраксия. Бог дал ему талант, но не отпустил даже крупницы внешней привлекательности. Феофан был некрасив до безобразия и к тому же горбат. Правда, горб он получил не в раннем возрасте, потому не был, как большинство горбунов, маленького роста, а скорее — среднего.

Евпраксия и Феофан знали Надежду: она иногда приносила посуду в монастырь. Слышали они и о Глебе, а Евпраксия даже была с ним знакома несколько лет назад.

— Не нравится мне, что он эту девочку смущает, — пробормотала она как бы про себя. — Надежда совсем еще ребенок, а Глеб...